

Е.В. Иванцова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье освещаются проблемы составления словаря нового типа – словаря реальной языковой личности, актуальные в свете развития антропоцентрической парадигмы языкознания и востребованности лексикографического метода исследования языка. Основные проблемы, к числу которых автором отнесены 1) получение речевого материала, необходимого и достаточного для адекватного отражения идиолектного дискурса, 2) выработка концепции словаря, 3) интерпретация речевого материала в свете выработанной концепции, и пути их решения рассмотрены на примере создания «Полного словаря диалектной языковой личности» – проекта, завершённого лексикографами Томской диалектологической школы.

Ключевые слова: *словарь, языковая личность, лексикография.*

Лексикографический метод исследования языковых феноменов один из самых востребованных в современной лингвистике. Активно применяется он в молодой, формирующейся на рубеже XX–XXI вв. области лингвоперсонологии.

Интенсивно развивается так называемая авторская лексикография, ежегодно появляются новые словари языка писателей – А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Ф.М. Достоевского, М.И. Цветаевой, В.М. Шукшина, В. Высоцкого, И. Бродского и т.д. Публикуются словарные материалы, отражающие особенности речи отдельных политиков – от В.И. Ленина до А. Лебеда. Несколько десятилетий назад отечественная лексикография подошла к описанию языка рядовых индивидов. Оно начато диалектологами, создавшими первые словари диалектных языковых личностей на основе записей их устной речи [1–3] и писем [4]. Пермскими исследователями еще в 60-е гг. XX в. была выдвинута идея создания полного идиолектного словаря, однако пока она только начинает воплощаться в жизнь [5].

Очевидно, что это только начало нового периода в теории и практике нашей лексикографии. Развитие и антропоцентрически ориентированной лингвистики наших дней в целом и теории языковой личности (ЯЛ) в частности ставит на повестку дня всестороннее изучение конкретных носителей языка, в особенности наших совре-

менников – представителей разных социальных страт общества, различных типов речевой культуры, владеющих той или иной формой национального языка. Уже изучаются реальные языковые личности вузовских педагогов (Г.Г. Инфантова, С.В. Куприна, Т.В. Кочеткова, В.Я. Парсамова), известных ученых (В.В. Дружинина, Т.В. Романова, И.А. Федорченко), телеведущих (Г.Н. Беспамятнова, М.А. Канчер), политиков (В.Н. Базылев, Е.В. Дарьина, А.Ю. Мордовин, Т.Б. Соколовская), переводчиков (О.Н. Шевченко), эмигрантов (Е.А. Земская, С.Е. Никитина, Е.А. Оглезнева), школьников (Н.В. Аниськина), диалектоносителей (Л.Г. Гынгазова, О.А. Казакова, Е.В. Иванцова, В.А. Мальшева, И.И. Русинова), носителей городского просторечия (Е.В. Соломина, В.Д. Черняк) и многие другие. В ближайшей перспективе можно прогнозировать появление новых идиолектных словарей различных типов.

В Томской диалектологической школе завершается осуществление многолетнего проекта по созданию «Полного словаря диалектной языковой личности» [6]. Записи речи информанта систематически велись с 1981 г. В 1994 г. было начато создание картотеки, в 1996 г. диалектологи приступили к написанию словарных статей. Последний, четвертый том словаря сдан в печать в конце 2011 г. Пройденная тридцатилетняя дистанция позволяет осмыслить вопросы, встающие перед составителями полного словаря личности, и осветить накопленный опыт, который может быть востребован лексикографами.

Главными проблемами при создании словаря личности являются:

- получение речевого материала, необходимого и достаточного для адекватного отражения идиолектного дискурса;
- выработка концепции словаря;
- интерпретация речевого материала в свете выработанной концепции.

Все эти взаимосвязанные задачи должны работать на единую цель – представление сущностных характеристик избранной ЯЛ.

I. Сбор материала

При обращении к реальной ЯЛ перед лексикографами всегда остро стоит проблема полноты речевого материала. Самым доступным для исследователей является материал письменной речи, в первую очередь художественной. Закономерным следствием этого в лексикографической практике стало преобладание словарей языка

писателей, источником которых служит опубликованная беллетристика (иногда в сочетании с публицистическими и эпистолярными текстами). Вся сфера устной речи, составляющая основу дискурса любого носителя языка, остается в данном случае закрытой для наблюдения. Если в отношении исторической ЯЛ это ограничение неизбежно, то при словарном описании современной ЯЛ, как представляется, оно должно быть преодолено. Необходимость отражения всех освоенных личностью форм бытования языка требует привлечения как письменных текстов, созданных индивидом, так и записей устной спонтанной речи в естественных условиях общения. Последняя задача наиболее сложна и трудоемка, предполагает выработку особых методик сбора материала.

Опыт томских диалектологов показал, что наиболее эффективным является метод включения в языковое существование говорящего, подразумевающий: 1) непосредственное неформальное общение исследователей с информантом (взаимное знакомство с биографией, образом жизни, интересами, кругом знакомых и родственников; укрепление связей в процессе общей трудовой деятельности и / или отдыха; приоритет личностного общения над прагматическими целями сбора языкового материала); 2) создание комфортной для ЯЛ обстановки в период записей (доверительные отношения информанта и собирателей; учет индивидуальных особенностей личности, ее характера, взглядов и поведенческих норм; отвлечение внимания от технических средств записи); 3) установка на преимущественную фиксацию непринужденной речи (сведение к минимуму элементов опроса, невмешательство в общение ЯЛ с постоянными партнерами по коммуникации); 4) систематическое долговременное наблюдение.

Данный метод позволяет накапливать не только речевой материал, но и сведения об изучаемой личности в целом – ее биографии, мировоззрении, характере общения с окружающими, поступках и др., составляя впечатление об анализируемом объекте в единстве его языковой и внеязыковой ипостасей. Он дает возможность изучить реальную «жизнь человека в языке», что обеспечивает высокую степень достоверности выводов. К достоинствам метода следует отнести и универсальность его употребления по отношению ко всем типам современных ЯЛ разного возраста, пола, социального статуса и типа речевой культуры, к недостаткам – трудоемкость использования.

II. Разработка концепции словаря

1. Выбор типа словаря

В лексикографической практике наших дней представлены идиолектные словари разных типов. Самыми распространенными среди них являются дифференциальные – включающие отдельные классы лексико-фразеологических единиц в соответствии с задачами словарного описания. В составе дифференциальных идиолектных словарей имеются толковые (объяснительные), словари выразительных средств текста, экспрессивов, фразеологизмов и новообразований; создаются также синонимические, идеографические, частотные словари (чаще отдельных произведений) и др. Дифференциальные толковые источники дают общую (хотя и неполную) картину лексикона ЯЛ, остальные более детально описывают отдельные языковые явления идиолекта. При наличии собранного в значительном объеме материала возможен синтез этих подходов для того, чтобы отразить разносторонние характеристики идиолектного лексикона. Решение такой лексикографической задачи целесообразно осуществлять, на наш взгляд, в два этапа: 1) создание базового толкового словаря недифференциального типа; 2) составление серии аспектных словарей. Аспектные словари могут быть как подготовительным этапом к словарю общего типа, так и создаваться уже на его основе. Комплексное лексикографическое описание идиолексикона через систему разнотипных словарей уже начинает воплощаться в жизнь в ряде исследовательских проектов¹. Феномен ЯЛ сибирского старожила представлен в базовом «Полном словаре диалектной языковой личности», опубликованном идиолектном словаре сравнений [9] и планируемых к изданию ономастиконе, словаре прецедентных текстов (пословиц, поговорок, присказок), идеографическом и частотном словарях.

2. Определение состава словника

При создании толкового недифференциального словаря проблема отбора языковых единиц фактически снимается, поскольку глав-

¹ В осуществляемом под руководством Ю.Н. Караулова лексикографическом описании ЯЛ Ф.М. Достоевского планируется издание частотного и грамматического словаря, словарей антропонимов, топонимов, фразеологизмов, афоризмов, прецедентных текстов и др. [7. С. XXX–XXXIV]; лексикографирование идиолекта В. Высоцкого предполагает кроме толкового словарь отдельных текстов, эпитетов, сравнений, новых слов, фразеологических единиц [8].

ная задача лексикографов – как можно более полное отражение составляющих идиолекта. В корпус «Полного словаря...» на равных правах вошла вся нарицательная лексика и фразеология (последняя традиционно отражается в толковых словарях наряду с лексическими единицами), зафиксированная в дискурсе информанта, – общерусская и территориально ограниченная, нейтральная и экспрессивная, новая и устаревающая, узуальная и окказиональная, относящаяся к ядру и периферии лексикона ЯЛ. В связи с ненормативным характером словаря составители сочли необходимым и отражение низкочастотной, но все же встречающейся у данной личности грубой бранной лексики. Редактору близка позиция В.И. Даля, утверждавшего, что «... словарь не узаконитель, а раб языка; что есть, то он обязан собрать, и не может выкидывать того, что ему не нравится» [10. С. 592–593].

Некоторым отклонением от принципов формирования словника стало исключение из него встречающихся в речевой практике информанта оговорок. Они не вошли в корпус словаря в связи со случайным характером их порождения и оперативной коррекцией подобных образований в речи информанта (*Шура присла'ла – хоро'ша [селёдка], от таки' селедёшки... селёдишиши, копчёны; Кусок в ру'бы... в зубы, помидорки возьму, яичко... И молока возьму бутылочку...; Лёня взялся коров пасти, и Лёня Овсянников – два Алексея взя'лись, обо'е пьяницы. Тот сразу, мале'нько попо'с и... попас и бросил* и т.п.). Не включенные в словник имена собственные предполагается отразить в дополняющем базовый общий словарь аспектом издания.

3. Определение структуры словарной статьи

При разработке принципов словаря ЯЛ составители сталкиваются также с проблемой выбора параметров лексикографической характеристики языковых единиц, отобранных в корпус. Состав этих параметров, с одной стороны, задан словарной традицией, с другой – обусловлен материалом, но прежде всего определяется авторской концепцией словаря. Предпочтительным, на наш взгляд, является идиолектный словарь с комплексной разноуровневой параметризацией лексико-фразеологического материала.

Так, в «Полном словаре...» отражались:

– грамматические характеристики слова (часть речи, грамматические категории отдельных классов слов, особенности словоизменения);

– некоторые произносительные черты идиолекта;

– особенности семантической структуры слова: толкование значения / значений и их оттенков, коннотативные пометы;

– особенности функционирования слова: сфера употребления (пометы «в чужой речи», «в прецедентном тексте», «детское», «официальное»), новизна / устарелость слова, окказиональность образования, стилевая принадлежность; ограничения в сочетаемости; регулярно реализуемые системные связи (синонимия, антонимия, вариантность); использование в составе пословиц и поговорок; сведения о количестве фиксации в дискурсе; иллюстрации, демонстрирующие использование слова в речи информанта;

– образные словоупотребления (языковые метафоры, речевые сравнения и метафоры) и ироническое употребление;

– соотнесенность лексико-фразеологических единиц с основными формами русского национального языка (пометы «общерусское», «диалектно-просторечное», «собственно диалектное», «диалектный вариант общерусского слова» и др.).

Ряд обозначенных характеристик введен в лексикографическую практику впервые. Это пометы «в чужой речи», «в прецедентном тексте», «устаревающее» (наряду с традиционным «устаревшее»), «неосвоенное», «смягченное», «сочувственное», «осудительное», «негативная эстетическая оценка», «позитивная эстетическая оценка», указание на регулярные системные связи лексических единиц в речи.

Многопараметровое представление идиолексикона позволяет дать максимальный объем информации об объекте описания и значительно расширяет источниковедческие возможности словаря.

III. Интерпретация речевого материала

Главные проблемы, с которыми сталкиваются составители идиолектного словаря, лежат именно в этой области. Опора на данные непринужденной речи конкретной ЯЛ, в которой встречается не только высоко-, но и низкочастотная лексика и фразеология, узальное сочетается с ситуативным, а общеупотребительное с индивидуальным, вызывает у лексикографов целый ряд трудностей. Часть из них порождена неизбежной неполнотой представления в дискурсе

индивида грамматических, семантических и функциональных характеристик единиц, особенно низкочастотных. Даже при долговременном наблюдении и значительном объеме собранного материала многие сведения из имеющихся текстов извлечь нельзя. Получение их при помощи различных приемов экспериментальных методов нежелательно, если создатели словаря ориентированы на исследование естественной речи, а иногда и невозможно. Другие сложности обусловлены неполным совпадением коллективной и индивидуальной языковой системы, находящихся в отношениях пересечения. В связи с этим привлечение фактов из словарей национального языка, социолекта или диалекта, носителем которого является изучаемая ЯЛ, имеет существенные ограничения. Наконец, задача отражения живой стихии спонтанной речи подчас вступает в противоречие с задачей системной, упорядоченной и достоверной интерпретации речевого материала в словарной форме.

Представляется, что не может быть единственно верного пути решения обозначенных проблем; не всегда возможно и идеальное достижение поставленных авторами-составителями целей. Тем не менее создателями «Полного словаря...» был выработан ряд принципов, которыми руководствовались лексикографы в процессе интерпретации материала.

К основным из этих принципов можно отнести следующие:

- максимально полное отражение явлений, зафиксированных в идиолектном дискурсе;
- ориентация на представление в словаре личности говорящего;
- разграничение достоверных данных, подкрепленных речевой фиксацией, и реконструированных данных;
- интерпретация фактов дискурса с учетом общего, особенного и единичного;
- «мягкая» подача пограничных явлений с одновременным отнесением спорных или смежных случаев в оба возможных класса;
- системное, по возможности единообразное отражение однородных или связанных между собой языковых явлений.

Принцип максимально полного отражения идиолектного дискурса нашел свое воплощение при создании словарных статей в соответствии с разработанной многокомпонентной структурой. Авторы-составители стремились к детальному описанию всех особенностей идиолекта, которые давал зафиксированный материал, –

морфологических, синтаксических, фонетических, лексических. В сфере лексики отражались семантические, функциональные, прагматические характеристики, системные связи единиц лексикона, их использование в составе выразительных средств текста и др.

Данный принцип последовательно реализовывался и в отборе иллюстративного материала для словарных статей. Как число контекстов, так и их объем определялись спецификой конкретной лексико-фразеологической единицы. Слова с относительно бедной семантикой и однотипной сочетаемостью иллюстрировались минимальным числом высказываний:

ДВЕНА'ДЦАТЬ. Количество 12. А пришла домой, ну в эту пору, мале'нько попозже, в двенадцать, начало первого; Ну а он маленький ешо: двенадцать лет ему¹.

В то же время при сложности семантической структуры слова, широкой валентности, наличии вариантных грамматических форм, попадании данной единицы в зону метаязыковой рефлексии индивида количество иллюстраций расширялось с целью отражения этих характеристик:

СЕМЬЯ'. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и близких родственников, живущих вместе. – Что он один как-то, жены нету, семья нету; Я уж не хвастаю, а в семье ишь каки' труженики были; Раз все по себе живут – ведь это, Катя, тоже до'ма надо, раз своя семья; Обсемьи'лись – семьёй завелись, потому так и назывались; Сын её хороший! Говорит: «Семью большу' люблю, пусть рождает [жена]»; Горе! Непопут'на тоже семья, худа'; А так не хо'чете вы квартиру продать одну, сменять? Худо, мало семьи'-то. Это сынок был бы ешо, ли кто-нибудь бы.

СЕРЕДИ'НА, СЕРЕ'ДКА. 1. Место, более или менее одинаково удалённое от концов, краёв чего-л. – Клетка [у пленницы], вот это с краю-то, чтоб не падала. ~ А в середине пленница и всё; Хотела ~ убрать всё-всё, ~ и всё выкрасить по бокам, и высушить, тогда' всё составить, тогда' середину [комнаты] выкрасить; На эти уж они [накидки] у'зки, а только в середину так на кресло постелить; Таку' изде'лают гряду', и убирают в серёдке там – краси'вы таки' лунки; И из'бу пристроили – ну они не из брёвен, а эти... плахи бы заделали с

¹ Здесь и далее словарные статьи из «Полного словаря...» приводятся в сокращенном виде, в виде фрагментов, иллюстрирующих тот или иной тезис настоящей работы.

той стороны и с другой, а в середку насы'пали шлак; Накла'дывают и накла'дывают на эту телегу, навоз-то по краям, а [в] середине нету, и кучка ешо навозу. Я говорю: «У тебя не войдёт», а он гыт: «А середина-то пуста'. Я, гыт, после в середку, счас пе'рво по бокам [положу навоз]»; А у Маруси избушка в середке. Там пе'рва Васе'нькина, а эта Марусина [изба].

СКРО'МНЫЙ. Одобр. Сдержанный в обращении, словах, поступках, следующий нормам поведения. – Приехал, скромный какой был, не пил да не курил; Ну Женя-то сильно бо'йка! Они сами-то скромны, сми'рны всё равно; «Такой хороший, скромный, непьюшый, ничё, гыт, хороший парень»; Он может и матери'ться с кем попало... ~ Молодой, хороший так-то, если б был он поскромней, так и цены не было бы, да пил поменьше; Чё было, всё [съест] на столе. Только бы ему понравилось. ~ Ну Ленка, та поскромне, постарше; Она скромна была, степе'нна така', она вза'муж вышла, так в одеяле неделю сидела, не ложилась спать [с мужем].

Составители сочли необходимым включение более объёмных, подчас пространных контекстов при собственно диалектных словах и устаревающих единицах этнографического плана:

ОХЛЮ'ИХА. Неодобр. Ленивая, неряшливая, бесхозяйственная женщина. – «А, та худа' ба'ба, гыт, была! Она тоже, – говорит, – охлюиха, в огороде ничё не было у ней...» ~ [Что значит «охлюиха»?] Ну плоха'. Ну как сказать? Лени'ва, ли кака'!.. Не хозяйка. Охлюиха; «Ты и раньше была охлюиха! Как ты была охлюиха, – Андрей говорит, это она уж мне ска'зывают, – как ты была охлюиха, так и есь охлюиха». Аня смеётся наша, гыт: «Кака' же охлюиха, кака' охлюиха?» Я говорю: «Ну как сказать? Засра'нка».

ПЕЛЕНИ'ШНИК. Устаревающ. Особым образом шитое одеяло с завязками, предназначенное для пеленания ребёнка. – Я прихожу, а моя мама пеленишник шьёт. А раньше пеленишники шили: от так от это, от такой ширины матерьял и от так прошьют его так, так вилю'шками, так стежит, ваты мале'нько подложит туды', и в два рядья' матерьял... [Им завязывали?] Ну. Возьмут такую' пелёночку, такую' долино'й [больше метра], и так и пеленишник этот, замотают этой пелёнкой, а пеленишником завяжут. Ну он широенький такой. А на краях верёвочки таки' привяжут у'зеньки, чтоб завязывать-то.

Развернутые иллюстрации давались также в тех случаях, когда краткое высказывание не позволяет пользователю словаря понять значение слова и ситуацию его употребления:

НАРВА'ТЬСЯ. Встретиться с кем-л. нежелательным, оказывающим противодействие. – Ну и она пошла, ба'бочка-то, с председателем сельсовета пошла к Аксинье. Она гыт: «Это чё? Вот Верето от... Я-то живу одна. А у ей племянники-то всё... пришли, дак в шесь топоров дрова кололи, дрова привезли». – «О, каки' молодцы! – с райсобесу-то [говорит]. ~ Вот, гыт, хоро'ши дак хоро'ши племянники! Вот я понимаю, что племянники!» – вот она, Аксинья, нарвалась на неё. Она ба'ба-то бо'йка.

Отражению специфики идиолектного дискурса способствовало сочетание контекстов монологической и диалогической речи информанта, в том числе диалогов с односельчанами и собирателями:

РЕШЕ'ТИНА. Каждая из жердей, образующих какую-л. решётку. – [Что такое «пря'сло» у забора?] Вот пря'сло тако', жерьди кладёшь... [С: Они не прибиты.] [Какие жерди?] А вот эти до'лги палки. [С: Ну вон, решетины.] Это столбики, а вот так-то [поперёк] прибиваются «жерди» называются. [С: Решетины.] Жерьди ведь зовут-то? [С: В лесу жерьди, а кода' прибил, уже решетины.] Всё равно жерьди. [С: На крышу вот ло'жишь жерьди.] Жердь, а так «решетина» называют – вот крышу кроют, да там бревёшки таки' кладут – эти «решетины» называют. [С: Ну и это решетина]; А там надо мужикам [крыть крышу], подымаь шифер такой, и решетины надо но'вы делать.

Ориентация на представление в словаре личности говорящего особенно ярко отражена в отборе иллюстративного материала. Наряду с демонстрацией собственно языковых особенностей включенные в словарные статьи высказывания представляют взгляды ЯЛ, ее ценностные установки, автобиографические сведения и т.д.:

МА'МА. – У нас мама-то я'рска была; Мама у меня мастерица была вышивать.

СОВЕ'СТЬ. – «Вот совесь-то кака! И ни расписку не взяла, и никого, и вот...» [дала деньги в долг]. Я говорю: «Ну совесь-то дороже расписки, правда?»; Говорили ра'нешны люди: «Совести не будет, будут, гыт, ехать, искать чё лучше» – правда!

◆ НА СВОЕЙ ШКУРЕ. – Так-то, детей бы не было – горя мало [что муж ушёл к другой], а то ведь дети. ~ Бе'дна! Я-то всё пережила на своей шкуре, да жалею! Прямо жалею.

НЕГРА'МОТНЫЙ. – Ишь – мы и говорим-то неправильно, раз мы неграмотны; Я так... кого, неграмотный человек, тёмный – по чём я знаю? Ничё я не знаю. Ну иконы рубить бы я не стала.

ПРА'ВИЛЬНО². – У ей там изба тоже... ~ Она взяла и продала её, Коле же продала. За восемь тысяч продала. Ну вот так, Катя, думаешь – правильно? Мне вот кажется – неправильно. Хоть бы за четыре тысячи. Племянник родной; У нас Аня тоже ши'бко ба'ловат [детей], Колька вроде как-то получше. Думаю: правильно; Неохота Гале жить в городе. Охота в деревне. Ну так-то правильно.

Дополняют характеристику личности включенные в структуру словарной статьи прецедентные тексты (поговорки и пословицы), в которых, по теории Ю.Н. Караулова, наиболее полно воплощен мотивационный уровень структуры ЯЛ:

БОГ. По религиозным представлениям, верховное существо, управляющее миром. – Народу много там [в церкви] было, ши'бко много народу. Мо'лются Богу; «Батюшка – Бог», – она называ'т [священника]. Я говорю: «Ну батюшка не Бог же!» Ну какой батюшка Бог?; Ну чё, за вас Богу молить надо [за подарки]; «За чё, гыт, меня Бог наказал, таким соседом?» # БОГ ДА ГОРОД, ЧЁРТ ДА ДЕРЕВНЯ. БОГ-ТО БОГ, ДА И ТЫ БЫ ПОМОГЛА. БОГ-ТО БОГ, ДА САМ НЕ БУДЬ ПЛОХ. БОГУ МОЛИСЬ, А ЧЁРТУ В ГЛАЗА НЕ ПЛЮЙ. БОДЛИВОЙ КОРОВЕ БОГ РОГА' НЕ ДАЛ. ГОЛЕНЬКИЙ – ВОХ, А ГОЛЕНЬКИМ БОГ. НА, БОЖЕ, ЧТО (КОТО'РО) НАМ НЕ ГОЖЕ. НУ КТО ПЬЯНЫЙ БОГУ СВЕЧКУ СТАВИТ? ОЧИСТИЛ, БОЖЕ, НИ КУЛЯ, НИ РОГОЖИ.

Развернутое лексикографическое описание всех прецедентных текстов диалектоносителя планируется представить в аспектном словаре.

Принцип разграничения документально подтвержденных и реконструированных данных реализовывался прежде всего при определении формы заглавного слова и его грамматических характеристик.

В записях живой спонтанной речи оказались нередкими случаи, когда та или иная единица не зафиксирована в начальной (словар-

ной) форме, а ее предполагаемая звуковая оболочка может быть вариативной. В таких ситуациях составителями словаря заглавное слово словарной статьи давалось со знаком реконструкции*. Так, на основе употреблений *проро'сти (картошку)* и *были семена-то проро'сии* дан инфинитив *ПРОРО'СТИТЬ, по словоупотреблению *пять рядов просо'жено* – инфинитив *ПРОСАДИТЬ и т.д. С аналогичным знаком давались глаголы, если в дискурсе отмечено только причастие: *ИЗЖЕ'ЧЬ, прич. кр. изжжён. *НАБОРОЗДИТЬ, прич. кр. набороздён.

В некоторых нелитературных единицах реконструкция начальной формы слова была связана с отсутствием письменной традиции в его передаче. Например, условно восстановлена словарная форма глагола *НАКА'ПЕТЬ (*на сапоги нака'пело, на тебя нака'пет*: слабая позиция заударного гласного может быть передана и как *НАКА'ПИТЬ, *нака'пило, нака'пит*) и существительного ЛА'ДКА (ЛА'ТКА?) (формы *ла[t]ка, ла[t]ки, в ла[t]ке* при наличии отмеченных вариантов ЛА'ДОЧКА и ЛА'ТОЧКА не позволяют однозначно определить облик заглавного слова). Затруднения лексикографов вызвала и подача отдельных междометий, для точного воспроизведения которых недостаточно графических знаков русской азбуки. Такие междометия включены в «Полный словарь...» с комментарием «звучание передано приблизительно» (ТФ. Имитация сплёвывания против сглаза. Ф-Ф-Ф-Ю. Имитация затруднённого дыхания. ХЫП. Имитация звука выстрела и др.)

Проблема достоверного отражения грамматикона ЯЛ встала перед лексикографами при описании словоизменительных особенностей лексических единиц.

В идиолектных лексикографических трудах невозможно дать исчерпывающую информацию о парадигме склонения или спряжения слов, как это принято в словарях кодифицированного литературного языка. В связи с этим в ряде словарей языка писателей (вслед за «Словарем языка Пушкина») словарные статьи содержат перечень всех зафиксированных словоформ данной единицы. Составители «Полного словаря...» пошли по несколько иному пути. У общерусских слов отмечались лишь вариантные и несовпадающие с литературным языком словоформы: ДОМ (ед. до'ма, до'му, п.ед. дому', до'ме); БЕРЕ'ЧЬ (1 л. ед. берегу', берегу', 3 л. ед. бережёт); ДЕ'ВОЧКА (р. мн. де'вочков); СТОНАТЬ (1 л. ед. стона'ю, 3 л. ед.

стона'т, 1 л. мн. стона'м, повел. стона'й), поскольку все прочие легко восстановимы. У диалектных и просторечных слов приводились сведения обо всех формах, которые встретились в речи информанта: АЛЮ'СИТЬ (3 л. ед. алю'сит); ГАМАНО'К (в. ед. гамано'к, п. ед. гаманке').

В зоне семантических характеристик вопрос о разграничении достоверных и реконструированных фактов возникал при описании слов, отмеченных в дискурсе только в метафорических, образных значениях. Поскольку прямые значения не зафиксированы, помета «переносное» также дана со знаком реконструкции: НАВА'Р. *перен. Доход. – Ну, она гыт, «я поторговала, хорошо, хороший навар». ОБГРЫ'ЗТЬ. *перен. Обломить, отбить. – Я говорю: «О'споди, всё прямо обгрыз. Чайник обгрыз, эту [чашку] обгрыз».

Принцип интерпретации фактов дискурса с учетом триады «общее – особенное – единичное» (языковая система русского языка в целом – система среднеобских старожильческих говоров, в том числе родного для информанта вершининского говора, – идиолект ЯЛ) предполагал опору на системные закономерности каждой из составляющих этой триады, выявление в лексикографируемом материале общерусских и диалектных черт, разграничение узуального и индивидуального.

В решении обозначенных задач лексикографы опирались:

– на данные наиболее авторитетных словарей литературного языка (в первую очередь МАС [11], БАС [12]) и диалектных словарных источников (дифференциальные словари среднеобских говоров [13, 14 и др.], полный «Вершининский словарь» [15], другие областные словари);

– корпус текстов, отражающий живую речь диалектоносителя на протяжении 24 лет регулярных записей;

– исследования о феномене русской ЯЛ и ее типах, о диалектной ЯЛ в целом и идиолекте В.П. Вершининой;

– материалы «слуховой памяти» (см.: [16. С. 105–106]) и показания собственного языкового сознания. Обращение к интроспекции было обусловлено тем, что филологи-составители словаря являются носителями не только научного, но и обыденного сознания, а многолетнее общение с информантом привело к пассивному овладению вершининским говором и позволило хорошо узнать особенности речи В.П. Вершининой.

В отдельных случаях (при проверке общерусского характера слов, отсутствующих в словарях литературного языка) в качестве дополнительного источника использовались также сведения из интернет-дискурса.

С учетом общих закономерностей русской языковой системы составители описывали грамматические особенности идиолекта, устройство лексикона ЯЛ во всем многообразии тематических и лексико-семантических групп, системных связей и оппозиций входящих в него единиц. Исходя из предпосылки об общерусской основе лексикона диалектной ЯЛ (по предварительным подсчетам, 59,2% единиц в нем общерусские [17. С. 41]), при семантизации многих лексических единиц лексикографы отталкивались от толкований значений в словарях русского литературного языка.

В то же время выделение в лингвоперсонологических работах последних лет понятия «рядовой носитель языка как тип ЯЛ» и исследования языкового сознания рядовых говорящих позволили отойти от характерных для академических источников толкований значений, представляющих научное сознание. Думается, что большинство владеющих русским языком не воспринимает, скажем, яйцо как «женскую половую клетку птиц, черепах и некоторых других яйцеродных животных со всеми одевающими ее оболочками (желтка, белка и скорлупы) овальной формы» [11. Т. 4. С. 781], воздух как «образующую атмосферу Земли смесь газов, гл. образом азота и кислорода, необходимых для жизни человека, животных и растений» [11. Т. 1. С. 199] и т.п. В «Полном словаре...» из определений такого рода были устранены термины и неактуальные для носителя быденного сознания семы. Например, ЯЙЦО толкуется как «зародыш птицы (обычно курицы) в плотной овальной оболочке, преимущественно как продукт питания», а ВОЗДУХ как «газообразное вещество, которым дышит всё живое». Особенно последовательно упрощались дефиниции названий растений и животных: КАПУСТА. 1. Огородное растение в виде скрученных в вилки листьев (ср. МАС: Огородное растение сем. крестоцветных, овощ); ЛИСИЦА. Хищное животное с острой мордой и длинным пушистым хвостом (МАС: Хищное млекопитающее сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом, а также самка этого животного); СКУМБРИЯ. Небольшая морская жирная рыба (МАС: Небольшая морская промысловая рыба с веретеновидным телом; макрель); ПЧЁЛЫ. Насе-

комые, перерабатывающие цветочный нектар в мёд (МАС: Насекомое отряда перепончатокрылых, собирающее цветочный нектар и цветочную пыльцу и перерабатывающее нектар в мед, а пыльцу в пергу) и т.д.

При отражении в идиолексиконе ЯЛ черт, типичных для диалектной языковой системы, составители опирались на данные областных словарей, монографий, статей, посвященных русской народно-речевой культуре и языковой личности ее представителей.

Поскольку для диалектной ЯЛ, как показали исследования последних лет, характерна высокая степень конкретности восприятия действительности [17, 18], значения многих слов были истолкованы в «*Полном словаре...*» на более низком уровне обобщения, чем в словарях литературного языка. Так, семантика слова *сетка* передается через ряд частных значений:

СЕТКА. 1. Ложе кровати из перекрещивающихся металлических пластинок, проволоки, пружин и т.п., закреплённых на раме. – А у меня мешки де-то под постелей, на сетке скла'дены, на кровати. 2. Сумка для ношения продуктов и лёгких вещей, сплетённая из ниток, веревок и т.п. – Сумку не взял, ни сетку, ничё не взял. 3. Плетёная тара для хранения овощей. – Это, картошки две сетки поло'жила [в погреб]. Ну, ве'дер шесь. 4. Приспособление из переплетённых нитей, проволоки и т.п., служащее для защиты от чего-л. – Так бы выставил окна, да марлечку натянул бы хоть ли сетку бы.

В МАС и БАС как самостоятельное выделено только второе из этих значений, прочие объединены в обобщенное «приспособление различного назначения из перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки и т.п.».

Выявление семантики нелитературных единиц в лексиконе информанта осуществлялось с привлечением областных словарей, в том числе среднеобских и вершининского.

С учетом результатов исследований в области традиционной народной культуры и ценностной картины мира русского крестьянства в «*Полном словаре...*» разрабатывалась система оценочных помет («осудительное», «неодобрительное», «негативная эстетическая оценка», «позитивная эстетическая оценка» и др.); в отдельных случаях была пересмотрена лексикографическая традиция подачи оценочных лексических единиц. Так, и в словарях литературного языка

(БАС, МАС), и в полных диалектных словарях («Вершининский словарь», «Акчимский словарь» [19]) ХУДОЙ в значениях «недостаточно полный, с худощавым телом» и «плохой, так или иначе отклоняющийся от идеальной нормы» даются как грамматические омонимы; в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой интерпретировано как омонимичное и значение «дырявый, прохудившийся» [20. С. 870]. Наши материалы показывают явную и живую связь всех названных ЛСВ в традиционной крестьянской культуре. Об этом свидетельствуют и показания метаязыкового сознания информанта (*«Ты похудела» – мне не нравится так говорить, а «постарела» скажут – так ничё*), и синтез сем «недостаточно плотное телосложение» – «негативная оценка более общего плана (эстетическая, прагматическая)» в однокоренном ПОХУДЕТЬ, и симметричное отражение данной связи в прилагательном ХОРОШИЙ. На этих основаниях лексема ХУДОЙ в «Полном словаре...» представлена как многозначная, с последовательной связью ЛСВ, отражающих как общие, так и более частные аспекты рациональной негативной оценки.

Опора на закономерности соотносимых с идиолектом В.П. Вершининой языковых систем способствовала и уточнению многих грамматических характеристик лексикографируемых единиц. К примеру, с учетом общерусских и диалектных фактов определялась переходность глаголов. Помета о переходности давалась при возможности употребления прямого дополнения, не всегда реализованной в устной речи в силу ее эллиптичности. Так, КОСТИТЬ и ПОКОСТИТЬ отмечены в дискурсе информанта только в поговорке *За глаза кости'т, а в глаза лести'т* и метатексте *Может в глаза полести'ть, а за глаза покости'ть*. Эти глаголы входят в семантическую группу обозначений речевого воздействия на объект (*ругать, бранить, проклинать, укорять* и т.п.), имеющих в русском языке свойство прямой переходности. Достоверность пометы «перех.» в «Полном словаре...» косвенно подтверждается данными «Словаря диалектного просторечия Среднего Приобья» (КОСТИТЬ, перех. – Он костит его, да всё там бывает: и ругает его, и кричит) [14. С. 135] и «Словаря русских старожильческих говоров...» (ПОКОСТИТЬ, кого. – Я её покостила – отругала тут) [13. Т. 3. С. 44].

Задача представления не только узуального, но и индивидуального начала в идиолекте ЯЛ осуществлялась через сопоставление данных корпуса текстов информанта и созданной на его основе кар-

тотеки «Полного словаря...» с другими словарными источниками. Выявленные расхождения в семантике, грамматике, функциональных характеристиках лексических единиц нередко представляют именно индивидуальные черты В.П. Вершининой.

Составителями идиолоктного словаря отражались случаи неполного или неточного осмысления узуальных значений слов, находящихся на периферии словарного запаса ЯЛ. Ряд толкований слов и фразеологизмов в словаре обусловлен этим подходом:

МЕДО'ВА (МЕДОВА') РОСА'. Неосв. Роса, с которой, по мнению информанта, собирают мёд пчёлы. – Ну говорят: «Медо'ва роса». [Она плохая?] Хоро'ша, хоро'ша. Мёд собирают с её... пчёлы. Ну я слы'хывала... говорят, что медова' роса упала – хоро'ша она; Медова' роса упала, а чё она де'лат? Я не знаю.

Представление ЯЛ о данном природном явлении не соответствует действительности. Ср. Даль: «болезнь растений, которые покрываются сладковатою жижей» [21. Т. 4. С. 104]; в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю Шведовой: «спец. Слизистое выделение на растениях» [20. С. 684].

АКА'ФИСТ. Особая, более продолжительная по сравнению с обычной, молитва. – «Батюшка, у нас с акафистом!» – он с акафистом служит, долго, подороже пло'тют там; Дороже платили, долго служили – «с акафистом» называли; [Что такое «акафист»?] Така' молитва больша', до'лга.

Контексты показывают, что диалектоносителем усвоены только некоторые компоненты семантики религиозного термина. Ср. МАС: Молитвенно-хвалебное песнопение в честь Христа, Богородицы или святого, а также церковная служба, состоящая из таких песнопений).

Фиксировались также редкие случаи употребления информантом десемантизированных лексем:

РАМЕ'Н. Сильный? (зн. информантом не осознаётся). – Кто эту молитву знает, тот по' три раза в день читает, тот раб, раме'н, от огня, от пламени ~». [А что значит «раб раме'н?】 Раб раме'н. Раб. «Тот раб, раме'н, от огня, от пламя, от воды, от потопа, от зла лиха' чело-века, аминь».

Предположение об утраченном значении дано на основании словаря Даля: «*Рамени'стый, рамена'стый*, плечистый, широкий в

плечах, ражий, дюжий, сильный, крепкий или коренастый» [21. Т. 4. С. 57].

Индивидуальное начало в речи В.П. Вершининой отражается в ряде функциональных помет («в чужой речи», «неосвоенное»), пометах и текстовых комментариях, передающих коннотативные смыслы и интонационное оформление высказывания (ироническое, шутовское, сочувственное), включенных в словарные статьи речевых сравнениях и метафорах, справочных сведениях о статистике зафиксированных словоупотреблений и др.

Составители словаря стремились также к разграничению значений и ситуативных употреблений лексических единиц. Последние давались с особым знаком (ВРАЧ. 1. Человек с высшим медицинским образованием, профессионально занимающийся лечением. – Болеет и болеет, ну всё дома, дома – видно, врача вызывали; Ну, он говорит это: «Идите к врачу к хирургу». / О фельдшере. Укольчики ходит мне врач ставит; Повезли его туды' к врачу к нашему-то, она ему дала справку). Среди ситуативных словоупотреблений имеют место не только индивидуальные, но и общепринятые в говоре, и их квалификация являлась достаточно сложной задачей. Если окказионализмы и иронические контексты, в которых слово приобретает противоположный смысл, можно отнести к индивидуальным с высокой степенью точности (ВСТАВЛЯ'ШКИ. Оказ. Действие по глаг. вставлять. – [Вставить бы новые.] Зубы-то? О'споди. Каки' тут вставляшки; ЕДО'К. Тот, кто любит плотно поесть. / Ирон. – А, они худо едят, кого там! «Едоки»; Ничё не поела! [Поела.] «Поела!» Едок!), то при единичных употреблениях не вполне ясной остается грань между узуальными переносными значениями и индивидуальными образными употреблениями, и такие примеры поданы в словаре по-разному (ср.: БАЛЕРИНА. Ирон-неодобр. О человеке, считающем себя важной, значительной персоной. – А они [молодожёны] в машине сидят там на улице. Он это, мне говорит: «Иди, проздра'вь их». Ну Катя, пра'ильно ра'зе? Они бы, как я старушонка така' ста'ренька, дак взяли да зашли бы ко мне. <...> Ползла бы там их туды' проздравля'ть – в машине сидят они, каки' балерины! РОГА'. 2. перен. Об уродливых наростах на клубнях овощей. – От попадёт гнездо [картошки] – вроде кру'пненьки, хоро'шеньки, а то таки' бе'лы каки'-нибудь от всякими с рогами. ПРИЧАСТИ'ТЬСЯ. Принять причастие, подвергнуться обряду причастия. ■ Пережить

неприятное событие, происшествие¹. – [Родственники попали в аварию, перевернулись на машине.] Я говорю: «Ну вот, причастились!» Я говорю: «Ши'бко машину изломал?»). Достаточно определенно можно отнести к речевым индивидуальным метафорам только шутивно-иронические употребления (ПИОНЕ'РКА. Девочка, являющаяся членом пионерской организации. / Шутл. О ком-л. в одежде, напоминающей пионерскую форму. – «Сшей, гыт, это, воротничок белый и грудочку так бе'лу вставь, ишлачка' бе'лы, пояс белый изде'лай...») Я говорю: «Ну, пионерка буду настоя'шша»). В некоторых случаях также нелегко разграничить по единичным фиксациям фразеологизмы и индивидуальные образные словосочетания (ОХ ДА АХ. О невесёлой, безрадостной обстановке. – «Я думала, Физа, но чуешь у меня». Я говорю: «Ну конечно, тут чё – ох да ах. Ох да ах, – говорю. – А та'мо-ка чё – хы-хы-хы' там», – говорю).

В словаре осуществлялся принцип «мягкой» подачи пограничных явлений с одновременным отнесением спорных или смежных случаев в оба возможных класса.

Данный принцип использовался при формулировании лексического значения слов с «мерцанием» отдельных сем, то проявляющихся явно в речевом употреблении, то не восстанавливаемых из высказывания. Единного способа интерпретации подобных явлений в «Полном словаре...» выработать не удалось, однако составители использовали различные варианты «мягкой» формулировки семантики с включением в дефиницию компонентов значения, которые не всегда реализуются в контексте во всей своей совокупности.

Разновидностью «мягкой семантизации» являются диффузные толкования значения:

СОРВАНЕ'Ц. Бойкий, решительный, склонный к разрушению, быстрый в движениях и работе человек. – А у ей мать была – така' прямо сорванец тоже! Невысокого росту, ну сильно така', бо'йка была. Пойма'т даже и... курчонку если, голову свернёт; Но'нче пришла [соседка], там отломила [деталь швейной машинки]. Ну как чё придёт, так, как сорванец, чё-нибудь, да излома'т; А я... покопала [огород], приходит Нина Васильевна. Я счас говорю: как сорванец какой-нибудь. Прибежала, как давай копать!

¹ Знак ■ был введен в Словарь начиная с третьего тома для обозначения речевых метафор.

В других случаях авторами словарных статей объединение «мерцающих» сем в одной дефиниции отражалось:

– через союз «а также»:

СЕНОКО'С. Косьба травы, а также время такой косьбы. – А это воскресенье тоже сено сгребал, на тракторе работал, поставили его, ну на время, на сенокос; Мы раньше, Катя, работали на сенокосе – в эту пору мы ешо не думали домой ехать; Сенокос вот эту по'ру, по-позже, ко'сют;

– через сочетание соединительного и разделительного союзов «(и/или)»:

ЧЁРНЫЙ 2 // Смуглый и / или темноволосый. – И вот она на отца походит: чёрна. Та бе'ла, а эта чёрна; Отец-то чёрный был, а Валька-то как ры'жа; Я не люблю таки' бе'лы [седые] волосья. [С: Мне дак ничё даже.] Дак сама чёрна как головёшка – конешно, «ничё»;

– через формулировку значений и их оттенков, демонстрирующих плавный переход от одного ЛСВ к другому с наложением смежных сем:

РЕВЕ'ТЬ. 1. Издавать протяжные, громкие, низкие звуки (о животных, птицах). – Коровы на полях были. Идут реву-ут коровы, не знают куды' заходить-то: дым!; Гуся', гусака да гуси'цу до'ржит. Они ходят по ограде, ревут тут-ка, в загородке; Однако, выгнать куды'-то надо эту кы'ску. Будет реветь ночью. 2. Плакать. – А девчонка-то постарьше. «Ой, пла'чу, гыт, от неё ка'жный день по два раз реву» [жалуется мать]. // Плакать громко, с криком. Аня там ре-вёт, плачет: «На бутылку просишь... Меня полуризу'ет...»; Ой! ой! Аня как редела-редела, та'мо-ка прямо плакала. Плакала она прямо ре'вом. 3. Кричать. – Ему от так давлю живот, он терьпит, как только отпустила, он: «Ой! ой! ой!» – ре-вёт; «А чё я, откуда знаю, да я мать троих детей», да как начала реветь, со всёй силушки-то, разговари-вать-то грубо.

Принцип «мягкой подачи» нашел применение и при решении вопроса о соотношенности косвенных словоформ со словарной, если они являются общими для вариативной начальной формы. Например, в речи диалектоносителя встречается ЛИТР и ЛИ'ТРА, различающиеся в ед. числе (*боле литра браги / ли'тры нету даже, по*

ли'тре в день брать, мне налила ли'тру), но имеющие общие формы мн. числа *литров, литрам, литрами*); НОЧЕВА'ТЬ и НОЧАВА'ТЬ дифференцируются при словоизменении в прошедшем времени (*в огороде ночевали / на полу ночава'л*), однако не различаются в настоящем времени и повелительном наклонении (*ночуешь, ночует, ночуйте*). Аналогичные явления отмечены в словах РУБЛЬ и РУБЬ, МЕТР и МЕ'ТРА, ПАЛА'З и ПАЛАС, ЛЕ'ЗТИ и ЛЕЗТЬ, ПЕЧИ'СЬ и ПЕЧЬСЯ, СЪЕСТЬ и СЪИСТЬ и др. В подобных случаях составители «Полного словаря...» сочли целесообразным указывать общую статистику для вариантов начальной формы слова. Там, где это позволял материал, особо отмечалась более частотная начальная форма: ЛИТР, м., ЛИ'ТРА, ж. (р. ед. ли'тры, в. ед. ли'тру). О и ДО 10/40. НОЧАВА'ТЬ и (реже) НОЧЕВА'ТЬ. 1. Проводить (спать) где-л. ночь. ДО и О 5/43¹.

Этот же принцип использовался в сложных случаях разграничения имен собственных и нарицательных (например, слово ЕЛА'НЬ, используемое в идиолекте как наименование и возвышенного ровного места вообще, и единичного топонимического объекта, включено как в базовый толковый словарь, так и в аспектный словарь имен собственных), при постановке комбинированных помет, если коннотативные различия были слишком незначительными для выделения отдельных значений (ВОЛО'СКИ ласк. и ум.-ласк.) либо экспрессивные и эмоциональные компоненты семантики совмещались в одном употреблении (ВОЛОСЁНКИ ум. и унич.), в комментариях функционального плана (ЖО'ПА. Употр. обычно нейтрально, реже грубо).

Составители и редактор словаря стремились следовать **принципу непротиворечивого, единообразного отражения однородных языковых явлений и системного описания лексикона**. Эта задача является наиболее сложной и не решена до конца даже в наиболее авторитетных академических изданиях.

Один из ключевых пунктов при составлении толкового словаря – выстраивание системы значений многозначных лексем. В «Полном

¹ Условные сокращения в справочной части словарной статьи в данном случае показывают, что общерусские единицы (О) ЛИТР, НОЧЕВАТЬ и их диалектные варианты (ДО) ЛИ'ТРА, НОЧАВА'ТЬ представлены в картотеке суммарно в 50 и 48 словоупотреблениях (через дробь отражена статистика зафиксированных употреблений при сплошном и выборочном расписывании материала).

словаре...» в качестве основного был избран логический принцип их упорядочения:

– от первичных значений – к вторичным: ПА'СКА. 1. Величайший праздник православной церкви, отмечаемый в течение недели. 2. Пасхальный кулич;

– от прямых – к переносным: ПА'СЫНОК. 1. Неродной сын одного из супругов. 2. Боковой побег растения;

– от более общих – к более частным: ПЛАСТ. 1. Большой плоский кусок чего-л. 2. Плоский слой сена, входящий на одни вилы при формировании стога. 3. Часть кочана капусты, нарезанного для засолки;

– от общерусских – к диалектным: ПОЛ¹. 1. Нижний настил в помещении. 2. Земля, поверхность, низ чего-л.

Во многих случаях опора на эти типы логических связей дает совпадающий результат при интерпретации языкового материала и к тому же поддерживается частотными характеристиками: переносные употребления в большинстве своем отмечены меньшим числом фиксаций, чем прямые, диалектные встречаются реже, чем общерусские, и т.д.

Некоторые минусы подобной систематизации значений связаны, во-первых, с тем, что логическая последовательность значений может опираться на разные основания. Так, в словарной статье ЗАБРАТЬ¹ ЛСВ выстроены следующим образом: 1. Увезти, унести с собой, к себе. 2. перен. Унаследовать какие-л. черты внешности. 3. Арестовать, задержать. 4. Призвать на военную службу. Автор словарной статьи, очевидно, шел от обозначения физических характеристик к социальным. Другим возможным вариантом могло быть вынесение в конец статьи более яркого метафорического переноса во 2-м значении, являющегося к тому же единственным диалектным ЛСВ в данном слове.

Кроме того, в ряде лексем логический принцип упорядочения значений оказался вступающим в противоречие с функциональным. Например, в идиолекте информанта ПЛЁНКА во вторичном значении «тонкий полупрозрачный материал из синтетического полимера» гораздо частотнее, чем в более раннем ЛСВ «тонкий слой льда, образующийся при замерзании водоёма»; более частный, вторичный ЛСВ глагола ПИТЬ «употреблять алкогольные напитки» используется в речи намного активнее, чем более общий и первичный «гло-

тая, поглощать жидкость», и т.п. На первый взгляд кажется, что опора на функциональный критерий предпочтительнее в идиолектном словаре, поскольку ярко демонстрирует «ранг актуальности» значений полисеманта. Однако составители отказались от этого принципа в связи с тем, что во многих многозначных словах частотные различия употребления ЛСВ резко не выражены.

Еще более трудным является единообразное отражение в слове связанных между собой языковых явлений. В идеале при формулировке значения каждого из членов синонимического ряда следует учитывать толкования других звеньев синонимической цепочки; должны коррелировать друг с другом ЛСВ антонимических оппозиций, видовых пар глаголов; по одной модели желательно давать определения внутри тематических и лексико-семантических групп и т.д. В соответствии с этим принципом создатели «Полного словаря...» стремились соотнести систему значений в словарных статьях БРАТЬ и ВЗЯТЬ, БОЛЬШОЙ и МАЛЕНЬКИЙ, ИДТИ и ПОЙТИ, ХОРОШО и ХУДО, формулировать однотипные дефиниции слов компактно выделяемых лексических групп (например, названия официальных праздников: ДЕНЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ. Государственный праздник в честь старшего поколения, отмечаемый 1 октября. ДЕНЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. Государственный праздник в честь работников сельского хозяйства, отмечаемый во второе воскресенье октября, и др.; названия религиозных праздников: ЕГОРЬ-ЕВ ДЕНЬ. День памяти Георгия Победоносца, отмечаемый православной церковью 6 мая (23 апреля). КАТЕРИНИН ДЕНЬ. День памяти св. великомученицы Екатерины, отмечаемый православной церковью 7 декабря (24 ноября), и т.д.), некоторых грамматических классов (например, звукоподражательных междометий). Вместе с тем материал идиолекта показывает, что полная систематизация подобного материала в принципе невозможна по многим причинам. К причинам субъективного плана относятся трудность одновременного сопряжения значительного объема материала по ряду параметров, различная интерпретация языковых фактов в большом коллективе составителей словаря. Объективной причиной является асимметрия в наполнении многих находящихся в системных связях лексических единиц. Так, в лексиконе диалектоносителя оказались слабо соотнесенными однозначное, относительно низкочастотное (22 словоупотребления) существительное НЕПРАВДА и многозначное, высокочас-

тотное, имеющее несколько грамматических омонимов (сущ., нар., мод., союз) ПРАВДА (около 300 словоупотреблений); анализ обнаружил семантические и функциональные различия слов СИЛЬНО и ШИ'БКО, БОЛЬНОЙ и ЗДОРОВЫЙ, ХУДОЙ и ПЛОХОЙ и др.

Таким образом, фундаментальная задача создания полного идиолектного словаря ставит перед лексикографами множество проблем. Не все их удастся решить в равной мере удовлетворительно, и в завершенном на сегодняшний день труде составителям хорошо видны допущенные ошибки, неточности, противоречия. И все же каждый новый словарь – это шаг вперед в постижении языковой материи и личности человека, владеющего языком. Опыт первопроходцев поможет воплотить в лексикографическую практику новые проекты и в то же время послужит развитию теории лексикографии.

Литература и источники

1. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971. – 141 с.
2. Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 188 с.
3. Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 144 с.
4. Голстова Г.А. Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск, 2004. – 560 с.
5. Малышева В.А. Идиолексикон сквозь призму лексикографии: Учеб. пособие по спецкурсу. – Пермь, 2007. – Вып. 1. – 136 с.
6. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1: А–З. 358 с.; 2007. – Т. 2: И–О. 338 с.; 2009. Т. 3: П–Р. 324 с.; 2012. Т. 4: С–Я (в печати).
7. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2001. – Вып. 1. – 442 с.
8. Изотов В.П. Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Е, Ё // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. – Владивосток, 2002. – С. 182–193.
9. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, – 2005. – 162 с.
10. Даль В.И. Искажение русского языка // Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского): в 10 т. – СПб., М., 1898. – Т. 10.
11. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4. (МАС).
12. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17 (БАС).
13. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / Ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
14. Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 317 с.

15. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – Т. 1–7.
16. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
17. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
18. *Гольдин В.Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 53–65.
19. *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф.Л. Скитова. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. – Вып. 6: Т–Я. – 312 с.
20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «Инфотех», 2009. – 944 с.
21. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1–4.